

«...**В** сердцах она отступила назад, огляделась по сторонам в поисках Королевы, которую наконец увидела вдаль, и подумала: не пойти ли на этот раз в противоположном направлении?

Все вышло как нельзя лучше. Не прошло минуты, как она столкнулась с Королевой у подножия холма, куда раньше никак не могла подойти.

... — Разве это чепуха? — сказала Королева и затрясла головой. — Слыхала я такую чепуху, рядом с которой эта разумна, как толковый словарь!

Это была удивительная страна.

...— По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, — сказала наконец Алиса. — Здесь все играют в шахматы! Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром!). Это одна большая-пребольшая партия. Ой как интересно! И как бы мне хотелось, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Она робко покосилась на настоящую Королеву, но та только милостиво улыбнулась и сказала:

— Это легко можно устроить. Если хочешь, становись Белой Королевской Пешкой. Крошка Лили еще слишком мала для игры. К тому же ты сейчас стоишь как раз на второй линии. Доберешься до восьмой, станешь Королевой...

Тут почему-то Алиса и Королева бросились бежать.

Позже, когда Алиса размышляла об этом дне, она никак не могла понять, как это случилось: она только помнила, что они бежали, крепко взявшись за руки, и Королева так неслась вперед, что Алиса едва за ней поспевала, но Королева все время только кричала:

— Быстрее! Быстрее!

Алиса чувствовала, что быстрее бежать она не может, но она задыхалась и не могла этого сказать.

Самое удивительное было то, что деревья не бежали, как следовало ожидать, им навстречу; как ни стремительно неслись Алиса и Королева, они не оставляли их позади.

Королева, видно, прочла ее мысли.

— Быстрее! Быстрее! — закричала она. — Не разговаривай!

Но Алиса и не думала разговаривать. Ей уже казалось, что она никогда в жизни не сможет больше произнести ни слова, так она задыхалась, а Королева все кричала:

— Быстрее! Быстрее!

И тянула ее за руку.

— Далеко еще? — с трудом вымолвила наконец Алиса.

— Не еще, а уже! — ответила Королева. — Мы пробежали мимо десять минут назад! Быстрее!

И снова они неслись со всех ног, так что только ветер свистел у Алисы в ушах. Того и гляди сорвет с головы все волосы, подумалось Алисе.

— А ну, давай! — кричала Королева. — Еще быстрее!

И они помчались так быстро, что, казалось, скользили по воздуху, вовсе не касаясь земли ногами, пока наконец, когда Алиса совсем уже выбилась из сил, они внезапно не остановились, и Алиса увидела, что сидит на земле и никак не может отдышаться.

Королева прислонила ее к дереву и сказала ласково:

— А теперь можешь немного отдохнуть!

Алиса в изумлении оглянулась.

— Что это? — спросила она. — Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?

— Ну конечно, нет, — сказала Королева. — А ты чего хотела?

— У нас, — сказала Алиса, с трудом переводя дух, — когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

— Какая медлительная страна! — сказала Королева. — Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

— Ах нет, я никуда не хочу попасть! — сказала Алиса. —

Мне и здесь хорошо. Очень хорошо! Только ужасно жарко и пить хочется!

— Этому горю помочь нетрудно, — сказала Королева и вынула из кармана небольшую коробку. — Хочешь сухарик?»

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье».
Пер. Н. Демуровой

Ответственность за действия, мысли, поступки, суждения, оценки, мечты, увлечения, равно как и за прошлое, настоящее и будущее героев этой книги несет не автор, а сами герои. Убедительная просьба адресовать все претензии и пожелания главным действующим лицам.

События, изложенные в романе, никогда в действительности не происходили и произойти по определению не могли.

Все персонажи являются вымышленными и не имеют ни малейшего отношения к прототипам.

А.Л.

31 июля 1982 года

Даже мертвая, она была ослепительно красива. Светлые волосы обрамляли ее лицо, а зеленые глаза, казалось, следили за каждым его шагом. Она походила на картину, одну из тех картин, которые пленяли и сводили его с ума...

Убийца прикоснулся к ее щеке. Она жива! Она не может умереть! И все же она была мертва.

Почему он убил ее? Любовь — вот ключ ко всему. Он любил ее и не хотел делить ни с кем другим.

Мертвая — она будет принадлежать только ему!

— Мы должны избавиться от тела! — услышал убийца тихий голос. Он обернулся и увидел женщину, которая наблюдала за ним. Она любит его, а он — любит ли ее он?

Теперь это уже не имело значения...

— И ты сумеешь простить меня? — спросил убийца у женщины.

Та ничего не ответила. Убийца знал, что ради него она может спрятать тело, ради него она забудет о том, чему стала невольной свидетельницей. Но получит ли он прощение?

У него дрожали руки, зато женщина хорошо знала, что

надо делать. Казалось, что она... довольна тем, что он совершил убийство.

Она нужна ему, он любит ее! И боится... А как же та, что умерла от его руки?

... Час спустя все было кончено. Тело покоилось на дне пересохшего колодца. Они закрыли тяжелую крышку, закидали ее землей, утрамбовали и крадучись пошли прочь.

Он ее убил. Убил! Все закончилось...

— Я люблю тебя! — произнесла женщина, внезапно оставившаяся. Убийца вздрогнул. Любовь — что может быть страшнее на этом свете?

— Никто и никогда не узнает, что мы сделали, — продолжала женщина. — Мы будем жить, как раньше.

Она прижала его к себе, и убийца ощутил небывалое успокоение. Вдруг он вспомнил лицо той, что лишил жизни. Обо всем надо забыть, подумал мужчина.

Я спасла его, он принадлежит только мне, и никто больше не стоит между нами, подумала женщина.

Ночная мгла обняла их.

Ничего не произошло! Никто не узнает! Он принадлежит только мне! Все будет как прежде!

Но, боже, отчего же так больно?

СЕРАФИМА ИЛЬНИЧНА ГИППИУС

25 августа

Платье оказалось невероятно узким, мне было тяжело дышать, да и жара стояла адская. Я глубоко вздохнула. Нет, я не имею права показаться смешной! Ведь мне сейчас вручат Нобелевскую премию!

Мы, лауреаты самой престижной премии в мире, находились в старинном зале — сидели в креслах, установленных на сцене. Шведский король, облаченный во фрак с муаровой лентой и массой драгоценных орденов, пожимал как раз руку то ли физику, то ли химику, вверяя оному диплом лауреата.

Нобелевская премия по литературе! Я всегда знала, что рано или поздно получу ее. И вот я в Стокгольме...

Нет, отчего же платье-то так давит? Мне не хватало воздуха, как будто камень лежал у меня на груди. Я повторила слова моего учителя по плаванию, который пытался объяс-

нить мне, как держаться на воде: «Фима, самое главное — мыслить рационально и не паниковать! А остальное придет само собой!»

Если учесть, что плавать я так и не научилась, то сомнительные наставления моего тренера я вспомнила нехстати. И все же я не имею права опозориться во время этой церемонии. Вряд ли при всем моем невероятном таланте мне суждено снова получить Нобелевскую премию! Это исследователей кварков или ДНК иногда награждают несколькими подобными дипломами в течение их жизни. Мы, литераторы, можем претендовать только на один-единственный!

Мое имя прозвучало совершенно неожиданно. Я в растерянности оглянулась и попыталась подняться с кресла. Ноги были как ватные, неимоверная сила удерживала меня. Что ж это такое, черт побери!

Наконец я оторвалась от синего бархата. Сделала несколько шагов и оказалась рядом с седым и статным Карлом Шестнадцатым Густавом. В руках его величество держал диплом с моим именем, выведенным крупными буквами.

Король посмотрел на меня, затем вдруг громко мяукнул. Я оторопела. Его величество склонился и впился мне в плечо. Я чувствовала, что не могу вздохнуть, пот градом струился по моей спине.

Платье! Да нету на мне никакого платья! Я с ужасом заметила, что облачена в римскую тогу — или это банная простыня? Но куда же делось мое вечернее платье?

Глава династии Бернадоттов тем временем вонзил в меня свои когти (откуда у короля когти, боже ж мой!). Я не могла дышать. Свет слепил мне глаза, я попыталась закричать. Во рту словно каша была.

— Муррррр, — дыхнул мне теплом в ухо шведский король. Золотая медаль с профилем динамитчика Альфреда Нобеля со звоном упала на пол. Я потянулась за ней, понимая, что мне не суждено получить самую престижную премию в мире. Слезы брызнули из глаз. А король продолжал запускать в меня когти.

Внезапно раздался звонок — и декорации, как в театре, стали стремительно меняться. Король исчез, но кто-то продолжал упорно кусать и колоть меня иголками. Исчезли и диплом, и медаль, и старинный зал, я судорожно всхлипнула...

...И приоткрыла глаза. Я находилась в своей кровати, в

своей спальне, в своем доме! Не было никакого награждения нобелевских лауреатов. Все это мне приснилось! Дурной сон! Да какой!

Телефон разрывался. Уголок подушки был мокрый — похоже, я пыталась жевать его! А на груди у меня распластался Васисуалий Лоханкин, который утробно урчал, запуская в меня когти и покусывая. Сцена напоминала знаменитую картину швейцарского художника Фюссли «Ночной кошмар»: девица в обморочном сне на кровати, а на груди у несчастной то ли тролль, то ли домовой: тяжелый, лохматый и злобный...

Вот, оказывается, кто стал причиной моего сладостного сновидения! Еще бы, когда на тебя взгромоздится кошачья туша весом в десять килограммов, то и не такое узришь! Васисуалий Лоханкин (он же по совместительству Василиск) обладал ужасной привычкой залезать на спящего, топтаться у него на груди, пускать коготки и нежно кусать.

Я с трудом оттолкнула Васисуалия, тому это явно не понравилось. В серой мгле августовской ночи сверкнули его изумрудные глаза, котище зашипел.

— Васисуалий, Василиск! — прикрикнула я на него.

Когда шесть лет назад я нашла его на улице, он был крошечным, облезлым, тощим котенком с головой, покрытой коростой лишаев, и крючковатым крысиным хвостом. Теперь же он превратился в роскошного дымчато-черного монстра, который питается только мясом с рынка, свежей сметаной и сливками, его тошнит от кошачьих консервов, он приносит мне в кровать полудохлых мышей и крыс и топчется на моей груди, провоцируя кошмарные сновидения!

Вы только подумайте — Нобелевская премия была почти у меня в руках! Какая, к лешему, Нобелевская премия по литературе в августе! В прошлом году ее получила странная австрийская писательница, любительница садомазохистских сцен и шизоидных героев. Ей — дали! Мне — нет!

Васисуалий, едва я спихнула его с груди, попытался снова занять свое законное, как он считал, место. Пришлось вести с котом неравную борьбу, которая завершилась полным моим поражением. Василиск взгромоздился мне на живот, я же тянулась к тумбочке, на которой разрывался неугомонный телефон.

Как только я прикоснулась к трубке, аппарат замолк.

Светло-красные цифры электронных часов показывали 3:27. И кому это приспичило звонить полчетвертого ночи?

Телефон снова ожил, я сорвала трубку и злобно гаркнула:

— Ну что стряслось?

— Мама, это я! — услышала я голос своего единственного сына.

Ну конечно, это мое чадо из Америки! У них там тоже ночь или уже день — я никогда не могла уяснить, какая разница между Западным побережьем США и Экарестом.

— Ты спишь? — спросил мой драгоценный.

Я всегда ненавидела подобные вопросы. Какой прок звонить кому-то посреди ночи, а затем невинно интересоваться, спит ли несчастная жертва. Мой третий муж, уже давно бывший, обожал этот вопрос. И Артем, несмотря на то, что не был его ребенком, унаследовал привычку отчима!

— Благодаря тебе, Тема, нет, — сказала я, чувствуя, что Васисуалий начинает танец живота, вернее, танец на моем животе.

— Извини, — заметил сын таким тоном, что мне стало стыдно за свое замечание. — Я не хотел ждать до вашего утра! Беверли родила!

Беверли — это, используя политкорректные штатовские термины, афроамериканская супруга моего Артема. Об их бракосочетании я узнала постфактум. Мой сын живет и работает в Калифорнии, он — великолепный программист.

Эту самую Беверли я имела счастье лицезреть прошедшей весной. Я преподаю герцословацкую литературу и литературное творчество в Cornell University в штате Нью-Йорк, живу полгода в Америке. Поэтому и смогла навестить сына и невестку в вотчине губернатора-терминатора Арнольда Шварценегера.

Беверли мне не понравилась. О, я не расистка, если мой сын пылает страстью к девушкам с шоколадной кожей, то я не имею ничего против! Он может жениться хоть на китайке или аборигенке острова Тасмания, главное — был бы счастлив!

Его избранница — бывшая модель, ставшая голливудской актрисой. Слава Николь Кидман и гонорары Рене Зеллвегер ей не грозят, она подвизается в идиотских комедийных и полицейских сериалах на ролях бессердечных сексапильных злодеек или развратных простушек, преследуемых

злодеями. Один из таких шедевров идет по молодежному каналу у нас в Герцословакии. Я, конечно же, его не смотрю!

В общем, те пять дней, которые я гостила у Темы с Беверли, показались мне самыми страшными в моей жизни. Моя сестрица Вероника, профессор, всемирно известный сексопатолог, объяснила популярно, что такая ревность вполне понятна.

— Фимочка, ты не хочешь делить Темку с другой женщиной! Но тебе придется привыкать к тому, что он не только твой сын, но и муж Беверли!

— Ну, ты еще эдипов комплекс припомни, — разозлилась я тогда на сестрицу.

Веронике именуют «Фрейд в юбке», что, в принципе, лишь отчасти соответствует действительности — она предпочитает эксклюзивные брючные костюмы. Ника считается одним из столпов современной международной сексопатологии, разъезжает по заграницам, публикуется по всему миру.

Я все еще свыкалась с мыслью о том, что длинноногая Беверли украла моего Тему, и вдруг мне сообщили: в октябре я стану бабушкой. Теперь же Артем звонит и говорит, что Беверли родила! Октябрь уж наступил, и роща отряхает последние листья с нагих своих ветвей? Да нет же, сегодня какое-то там августа...

— Роды прошли благополучно, — продолжал вещать сын из Калифорнии. — Почти на два месяца раньше положенного срока, но у ребенка все в порядке, мама! Беверли великолепно перенесла кесарево. Знаешь, сейчас очень модно рожать посредством кесарева сечения!

— Не знаю! — огрызнулась я. — Дело в том, дражайший сыночек, что я не рожала последние двадцать семь лет, если память меня не подводит! А я мучилась и на свет тебя производила самостоятельно в течение тринадцати часов!

Отчего я такая злая? Из-за глупого сна с Нобелевской премией? Или из-за того, что единственный сын звонит среди ночи и сообщает, что нелюбимая невестка сделала меня бабкой?

— Мы назвали ее Алисой, — продолжил Тема.

Мой сын обладает удивительно покладистым характером. Кажется, он не заметил моего едкого сарказма и обиды.

— Ка-ак? — Я оторопела.

Васисуалий Лоханкин вонзил мне в живот острую когти, и я вскрикнула.

— Мама, с тобой все в порядке? — осведомился мой отпрыск.

Все ли в порядке? Я столкнула с себя Василиска, поднялась и трагическим тоном произнесла:

— Как вы назвали ее?

— Алисой, — миролюбиво повторил Артем. — Кстати, это девочка.

— Ах, не может быть, Тема, а я думала, что Алисами называют в наше время сексуальной вседозволенности еще и мальчиков, — взъерепенилась я, чувствуя, что готова разрыдаться. — Что это за имя? Вы же сказали, что назовете ребенка в честь деда или бабки!

— Мы и назвали, — ответил сын. — Мать Беверли зовут Алисой.

Я уселась на кровать, и Лоханкин снова шмякнулся мне на колени. Вот оно что! Значит, Беверли указывает моему сыночку, как назвать первую и, может быть, последнюю мою внучку! А спросить меня никто не удосужился! Ах, эта мерзавка Беверли! Я в который раз пожалела, что не являюсь активным членом ку-клукс-клана.

— Значит, Алиса, — угрожающе спокойным тоном протянула я. — Чего ж постеснялись, нарекли бы ребенка сразу Индирой Ганди или Кондолизой Райс!

— Мама! — произнес шокированно Артем. — Мама!

— А фамилию бы дали — индекс Доу-Джонса, — продолжила зверствовать я.

— Мама! — перебил меня сыночек. — Пойми, Алиса будет жить здесь, в Америке, и тут это вполне нормальное имя. Не называть же нам ее в честь тебя Серафимой или в честь бабушки Нинель!

Так и есть: мне будет отказано не только в том, чтобы выбирать имя для чада, но и в том, чтобы воспитывать его и привить девочке великий и могучий герцословацкий язык. Она станет стопроцентной американкой, более того, калифорнийкой и начнет приветствовать меня на ломаном герцословацком тем единственным словом, которое будет знать на языке отца: «Спасибо!»

— Ага, Алиса... в честь мамы Беверли... Или это твоя тайная страсть к детской фантастике русского писателя Кира Булычева? — уколола я сына.

Когда-то он в упоении смотрел «Тайну Третьей планеты»: в нашей Герцословакии, стране — сателлите Советского Союза, раньше постоянно крутили «ихние» фильмы и мультишки.

— Или, может быть, Алиса — это долг памяти незабвенному Буратино и его хвостатой герлфрендше по выращиванию на поле чудес саженцев с золотыми вместо листьев?

— В честь Алисы Льюиса Кэрролла, — уверил меня сын. — Беверли в восторге от «Алисы в стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье»!

Я утробно расхохоталась:

— О, в честь Алисы Льюиса Кэрролла? Дорогой мой Тема, а известно ли тебе, что этот самый математик Чарльз Доджсон, по совместительству писатель Льюис Кэрролл, обожал маленьких девочек, лет эдак десяти-одиннадцати. Причем весьма даже неплатонически обожал! Кстати, именно Льюис Кэрролл стал для Набокова прообразом его игривого старого развратника Гумберта Гумберта из бессмертной «Лолиты»!

Яд так и сочился с моего раздвоенного языка, но Тема никак не прореагировал на эти литературные эскапады. Он привык к тому, что его мать-писательница постоянно вываливает неприглядные факты из жизни великих авторов.

— И вообще, имя Алиса принесло Герцословакии несчастье, — вешала я, войдя в роль оскорбленной матери. — Историчная императрица, жена Николая Второго, последнего безвольного русского императора, до того как перешла в православие, звалась Алисой Гессен-Дармштадтской. Некоторые предпочитали именовать ее Даромшмадской. Если бы не эта Алиса, то не было бы и Распутина, который, кстати, вроде бы ублажал не только ее душу, не было бы развала государства, не было бы мировой войны, и революции в России не было бы, и тогда в нашей Герцословакии к власти коммунисты не пришли бы, и вся мировая история иначе пошла бы, и Джорджа Гуша американским президентом не переизбрали бы!

— Мама! — заметил Артем. — Понимаешь, наша Алиса не имеет к этому ни малейшего отношения!

Он был прав, мой единственный сын! Но что я могла поделать в такой ситуации — просто принять как факт, что Беверли родила и девочку назвали в честь ее матери? Он же мой сын!

— А появись у вас сыночек, то вы окрестили бы его Марком Аврелием или нет, подожди-ка, Ганнибалом Лектером, в честь дедушки Беверли? — нанесла я еще один запрещенный удар.

— О, мама! — Артем окончательно потерял терпение. — Мама!

— Теперь бабушка! Передавай привет своей супруге, — пропела я елейным тоном. — Кстати, шрам от кесарева сечения не сильно попортил ее идеально плоский живот, которым она так гордится?

Когда разговор завершился, я еще долго сидела с прижатой к уху телефонной трубкой, в которой умирали гудки. Васисуалий Лоханкин, урча, растянулся у меня на коленях. Я потрепала Василиска за ушком. Он сразу же вонзил в меня коготки.

Спать не хотелось. Кошмары преследовали меня не только во сне, но и наяву. Артем сказал, что приезжать к ним не имеет смысла. Уверена, что эту мысль вбила ему в голову разлюбленная Беверли. Она украла у меня сына, а теперь хочет украсть и внучку!

— Алиса, ты только подумай! — сказала я Васисуалию, и котина лишь проурчал в ответ. — Какое падение нравов! Куда до нас всяким элагабалам и каракаллам!¹ И в каком, интересно, направлении катится мир?!

Я спихнула кота, включила бра, натянула кимоно (подарок японских поклонников моего творчества) и спустилась на первый этаж.

Васисуалий последовал за мной. Еще бы, десятикилограммовая тварюга постоянно испытывала чувство голода. Как и я! Однако Лоханкину было много проще — он наедаясь мяса, жирной деревенской сметаны, лакал сливки — и оставался подтянутым парнишкой шести лет от роду.

Стоит мне съесть две конфетки или ломтик торта, как неподкупные весы безжалостно констатируют лишних три килограмма.

И почему природа так несправедлива к людям и так благоволит к котам?

¹ Каракалла и Элагабал — представители династии Северов, правивших Римской империей больше 40 лет (193—235 гг. н. э.).

Было почти четыре утра. Августовская ночь начинала таять, хотя до рассвета оставалось не меньше полутора часов. Я заварила себе крепчайший кофе, бросила ластящемуся Василиску куски вчерашнего жаркого и, усевшись на мягкую табуретку, с наслаждением закурила.

Я, Серафима Ильинична Гиппиус, самая известная писательница современной Герцословакии, наследница громкой фамилии и древних традиций, лауреат Тукера (и Нобелевской премии — во сне!), гениальный стилист и живописатель герцословацких нравов, ведущая телевизионной программы на канале ЖТВ «Ярмарка тщеславия», вдруг поняла, что в свои неполные ммм... тридцать три года — крайне несчастлива!

Осознание невыносимой тяжести по-герцословацки бесцельного бытия пришло ко мне именно в то злосчастное утро, двадцать пятого августа, когда Артем позвонил и сообщил, что на свет появилась моя первая внучка по имени Алиса.

Подкрепившись тремя чашками черного и несладкого кофе, половиной кремowego рулета, двумя бутербродами с ветчиной и несколькими карамельками, я стала смотреть на сложившуюся ситуацию более оптимистично.

Я — сама Серафима Гиппиус! Моей троюродной бабушкой по отцовской линии была легендарная русская поэтесса Зинаида Гиппиус!

Я — родом из России, но с самого детства живу в Герцословакии — небольшой, но богатой стране на Балканах, у Адриатического моря!

Я описалась на коленях у Корнея Ивановича Чуковского, я воровала леденцы из серванта на даче у Анны Андреевны Ахматовой, я как-то залезла в дремучую крапиву, удирая от казавшейся мне сказочной ведьмой Лили Брик!

Мои книги издаются в Герцословакии, ближнем и дальнем зарубежье солидными тиражами, у меня было четыре с половиной мужа, и всех я бросила сама (ну, или почти всех!), в мою программу хотят попасть очень многие знаменитости, меня узнают на улице, в метро (не поверите, но я иногда езжу на метро!), не помогают ни черные очки, ни обмотка головы и лица шарфами по принципу древнеегипетской мумии, ни шляпа в стиле человека-невидимки.

Я — по праву! — считаю себя незыблемым литературным авторитетом, веду необременительный полусветский образ

жизни, пишу, говорю и ем все, что ни пожелаю, и не беспокоюсь о финансах.

Кроме того, я преподаю уже который год в американском университете, живу в городке под названием Ithaca (что мне, кандидату филологических наук, защитившему диссертацию по «Одиссее», безумно льстит) и вообще не задумываюсь о хлебе насущном.

Два года назад мой сатирически-философско-постмодернистско-классический роман-антиутопия «Глокая куздра» удостоился Тукеровской премии (я знала, что кое-кто из злопыхателей именовал меня «полновесным лауреатом премий канцлера Брюнинга, Фредди Крюгера и анти-Дюринга»).

Похоже, мне в самом деле придется мириться с Беверли. Я не хочу потерять Артема — ведь тогда эта, прости господи, лахудра полностью приберет моего единственного сыночка к своим шоколадным ручкам! Да какая мать такое стерпит? Моего родного Темку заграбастало американское страшилище!

Мрачные мысли под воздействием легкого завтрака исчезли. Сегодня у меня напряженный день. Съёмки «Ярмарки тщеславия». Несмотря на то, что я разделяю «под орех» почти всех гостей программы, попасть в нее и стать объектом моего неподражаемого остроумия и жертвой смертельного злословия для многих является делом чести. Мне известна как минимум дюжина человек, которые начали восхождение к славе в массмедиа с того, что позволили планомерно и без сопротивления истязать себя в моей программе.

Сегодня ожидался визит занимательного гостя, я уже наметила, во что облачусь. Предвкушая кровавое пиршество, я отправилась в ванную.

Ровно в восемь утра началась строительная вакханалия. Я как раз пыталась найти неизбитый эпитет к слову «любовь», сидя перед ноутбуком.

Бум, бббум, бууум, буммм. Я обхватила голову руками, пытаюсь остановить ускользающие мысли. Так и есть, наши новые герцословаки продолжают возводить свой Букингемский дворец!

Летом и осенью я живу на даче, расположенной в поселке Перельгино, в подбрюшье нашей столицы Экареста. В пригнопамятные времена Герцословацкой Социалистической Конфедерации (она развалилась в 1991 году на восемь само-

стейных государств, положив начало балканской заварухе) в Перельгине обитали деятели искусств — поселок изначально задумывался как место, где поэты, писатели, скульпторы и композиторы, наслаждаясь девственно-чистым воздухом, под шум старинной дубравы будут создавать шедевры во славу родины.

В конце сороковых так оно и было, затем половину жителей Перельгина отправили в лагеря и подселили работников Комитета, которых, в свою очередь, почти всех расстреляли. Новый всплеск в жизни нашего Перельгина произошел после смерти Сталина, это событие повлияло на судьбу Герцословакии, тогда мои родители и получили от государства дачу.

И сейчас в Перельгине обитают осколки великой эпохи — не считая меня, здесь живет поэтесса Раиса Блаватская, представительница интеллектуального постмодернизма (или постинтеллектуального офигизма, как люблю шутить я), тут же — летняя резиденция и мастерская Ираклия Тхарцишвили, того самого скульптора, который ваяет исторических личностей и дарит их (за счет принимающей стороны) столицам мира. Ирик — мой старый друг, кажется, он все еще лелеет мечту заполучить меня в любовницы. Но к чему мне эти африканские страсти? Когда я бываю в Штатах, то навещаю его в пентхаузе на Пятой авеню. Мы пьем коллекционный французский коньяк и предаемся великогерцословацкому шовинизму.

Кого я забыла упомянуть? Из «бывших великих» — разве что Гамаюна Подтягича, некогда столпа соцреализма, получившего семь или восемь Государственных премий и создавшего шедевр-пентологию под названием «Домны революции» — металлургический секс-триллер середины пятидесятых. Сейчас о Гамаюне никто и не знает, а когда-то от его слова зависели судьбы и карьеры — он был первым секретарем правления Союза писателей Герцословакии. Теперь он якшается с коммунистами, был одно время депутатом Госдумы, но в последний год резко сдал, отошел от дел и засел на даче, где строчит мемуары, желая доказать всем, что времена «красной империи» были самыми лучшими.

После смерти жены Гамаюн тоже неравнодушно поглядывает в мою сторону, но я делаю вид, что не замечаю его плотоядных взоров. Восьмидесятичетырехлетний эгоист с

неприглядно волосатыми варениками вместо ушей — это не для меня!

Ах, и как же я забыла о Браниполке Иннокентьевиче Суворе! Да, это тот самый, некогда всемогущий Сувор, правая рука генсека Алдропа, генерал в отставке, заместитель председателя КГБ — Комитета герцословацкой безопасности, дважды Герой, трижды кавалер...

Браниполк Иннокентьевич для своих неполных семидесяти — вполне крепкий молодцеватый старикан, захаживает ко мне то с бутылкой вишневой наливки, то с последним романом Мураками. Думается, он тоже не прочь заполучить гарную дивчину Фиму Гиппиус в свои объятия, но вряд ли этому суждено сбыться! Сын Сувор, Огнедар Браниполкович — птица высокого полета, он — доверенное лицо нашего президента, ему удалось превзойти отца: Огнедар — директор реформированного КГБ. Когда он приезжает навестить старика, на пыльных улочках нашего Перелыгина возникает кавалькада черных джипов и бронированных «Мерседесов».

Впрочем, «Мерседесы» для нашей деревни проклятых, как я иногда любовно называю Перелыгино, явление знакомое. С тех пор как по соседству с моим участком дачу бывшего композитора Дергучевского (ну, того, что написал почти все хиты 60-х годов, а затем погиб, врезавшись на автомобиле в самосвал, груженный куриным навозом, как говорят, будучи в стельку пьяным) у его наследников приобрел один из недосаженных олигархов, спокойной жизни пришел конец.

Я вспоминаю один из поздних романов моей любимой Агаты Кристи: мисс Марпл убеждается в том, что милая ее сердцу деревушка становится жертвой вездесущего прогресса — вместо лавок зеленщика и булочника появляется монстр-супермаркет, уютные коттеджи сменяются уродливыми панельными домами, по улицам маршируют странные длинноволосые личности-хиппи...

Так и в Перелыгине — капитализм забрал у нас то, что казалось неподвластным времени, — воспоминания. Некий равноудаленный олигарх (о, и почему его, как Белоцерковского, не засадили в тюрьму?) вознамерился строить в Перелыгине свою резиденцию. Времена усадеб вдоль правительственной трассы миновали, нуворишей потянуло поближе к интеллигенции, вместо красного кирпича в моде каррарский мрамор и финский гранит.

Вот уже три месяца этот олигарх, которому принадлежат пара алюминиевых заводов, производящих что-то около двадцати процентов мирового объема этого металла, а также несколько нефтяных скважин и алмазных трубок, возводит в Перельгине свою семейную резиденцию.

Строит, разумеется, не он, а команда архитекторов и рабочих. Олигарх появляется раз в неделю, дабы контролировать процесс. И все эти три месяца я пишу вторую страницу нового рассказа — вдохновение исчезает и не возвращается, так как его пугают постоянный гул и шум.

Я уже сказала в шутку Браниполку Иннокентьевичу, что его сын, директор КГБ, должен повнимательнее изучить нашего олигарха, авось найдется пара статей, по которым того можно упечь в каталажку, и стройка прекратится!

И вот снова! Я думала, что до съемок программы смогу написать пару абзацев, так нет! Треклятый трамбовочный агрегат напрочь заглушает парнасскую музу!

Я вышла из дома и прошествовала, сопровождаемая любопытным Васисуалием Лоханкиным, к забору. Боже, но забора-то нет! Еще вчера он стоял на месте, а теперь исчез! Пыхтя, небольшой бульдозер сгребал в кучу остатки деревяшек.

— Что ж это за слонопотамство-то такое! — в сердцах возопила я и едва не бросилась под гусеницы бульдозера. — Это моя территория, вы не имеете права!

Откуда-то сбоку вынырнул прораб, сопровождаемый лошениным молодым человеком в шикарном костюме и стильных очочках без оправы — и что этот выпускник Гарварда делает на песочной куче?

— Вы ответите мне за это! — я указала дланью на уничтоженный забор и поваленные сосенки. — Вы вторглись на мой участок, и это подсудное дело! Я засужу вашего миллиардера! Или он вообразил, что раз он — сороковой в списке самых богатых людей мира журнала «Форбс», то ему дозволено все? Я немедленно свяжусь с моим адвокатом! Я...

Я вдохнула, чтобы набрать в легкие воздух и обрушить на представителей ненавистного олигарха новые проклятия и угрозы. Молодой человек, воспользовавшись паузой, рас-

пахнул элегантный крокодиловый кейс и протянул мне пачку бумаг.

— Госпожа Гиппиус, как хорошо, что вы оказались здесь! Согласно плану участков, утвержденному в 1947 году, фотокопия прилагается, полоса, на которой до недавнего времени находился ваш забор, является неотторжимой частью землевладения моего клиента. Поэтому ваш несанкционированно установленный забор был ликвидирован в полном соответствии с пунктом...

Юрист посыпал статьями законов, постановлений и распоряжений. Я взглянула на копию границ участков от 1947 года. Похоже, этот юный прощельга, который за день работы получает столько, сколько я в год, прав. Но я не собираюсь выбрасывать белый флаг! Эти пять метров территории — мои!

— Это произвол! — прошипела я. — И ущемление моих конституционных прав! Я буду жаловаться!

— Воля ваша, — осклабился молодой законник и поправил супермодные очки.

— Я позвоню своему адвокату!

— Ради бога, — вставил наглый юноша.

— Обращусь в Конституционный суд!

— Быть может, имеет смысл сразу в Гаагу? — юный хам издевался надо мной.

— Нет Гааги, голубчик, — ответила я. — Никогда и не было!

Ну что же, ты еще не знаешь меня, Серафиму Гиппиус! Ты еще на свет из яйца не вылупился, когда моя слава уже гремела — во всяком случае, в пределах нашего Перелыгина!

— Я приглашу вашего патрона к себе на программу, он не посмеет отказаться, ибо тогда все узнают, что он — жалкий трус, и раздавлю его, как червя! — Я топнула ногой, и желтый песок просыпался на кожаные ботиночки адвоката.

Юнец поблденел, его торжествующая улыбка сменилась испуганной гримасой. Я развернулась и с гордостью пошла к дому.

Настало время отправляться на съемку «Ярмарки тщеславия». Я не люблю водить машину, но что поделать, другой возможности попасть из Перелыгина в столицу не существует. К половине первого я была в студии ЖТВ.

— Серафима Ильинична, — режиссер программы молитвенно сложил руки, — прошу вас, не делайте из него отбивную! Хотя бы не с самого начала программы!

Доверив свое лицо умелым рукам стилиста, я лукаво пообещала:

— О, не беспокойтесь, не трону я вашего певца и пальцем!

Мне предстояло беседовать с известным исполнителем шлягеров. К музыке я равнодушна, семь лет музыкальной школы по классу фортепиано были адским мучением, но родители хотели сделать из меня гармонически развитую личность! Особый ужас нагонял на меня четверг: я знала, что с половины шестого до половины восьмого приговорена к урокам сольфеджио. Как же я молила всевышнего, чтобы в музыкальной школе отключили свет, чтобы прорвало канализацию, чтобы Америка объявила нам термоядерную войну — все, что угодно, лишь бы сольфеджио не было! Я не могла отличить малую терцию от большой квинты и не знала, во что разрешается доминантсептаккорд, а музыкальный диктант — вы должны по слуху записать нотными знаками проигранную мелодию — ввергал меня в состояние, близкое к каталепсии. Кабинет сольфеджио до сих пор является ареной многих из моих кошмарных сновидений...

Наконец все было готово, я любезно улыбалась сидящему напротив меня певцу Афиногению Гиргорлову. Он расслабился, явно не думая, что я, как нильский крокодил, завлекаю его, ничего не подозревающую жертву, в смертельную ловушку. Не так давно этот певец выразил свое недовольство вопросами репортеров, припомнил несколько старогерцословацких слов и прошелся по поводу внешности и одежды одной из журналисток.

Я с треском распахнула огромный испанский веер, певец от неожиданности вздрогнул.

— Добрый вечер, — сказала я в камеру, — с вами снова программа «Ярмарка тщеславия» и я, Серафима Гиппиус. Разрешите представить вам нашего гостя...

Певец улыбнулся в камеру, купаясь в лучах собственной славы. Медленно обмахиваясь веером, я задала первый вопрос:

— Афиногений, вы не против, что я сегодня вся в розовом?

Певец нервно сглотнул, мотнул седоватой курчавой го-

ловой по сторонам, явно ища поддержки публики, и ответил что-то невразумительное.

— Так все же... — продолжала я атаку, не обращая внимания на устремленные к небу кулаки режиссера, — бедняга был в отчаянии, он наверняка обещал певцу, что никаких острых вопросов по поводу скандала не будет. Ну, если режиссер обещал не задавать нашему гостю острых вопросов, это его законное право, пусть и не задает, а вот я разрешу себе помучить Гиргорлова.

— Так все же, уважаемый Афиногений, почему в вашем творчестве так много этих, как их, что за слово такое иностранное... не подскажите? Ну этих, о, матка боска, римейков?

...Девяносто минут «Ярмарки тщеславия», из которых потом пятьдесят две пойдут в эфир в грядущий понедельник, пролетели для меня незаметно. Вдоволь наиздевавшись над певцом, я завершила программу.

В Перелыгине я оказалась под вечер. Строительство «Букингемского дворца» было временно приостановлено. Я набрала номер своего адвоката и изложила ему проблему.

— Серафима Ильинична, разумеется, я с радостью буду представлять ваши интересы, — заверил меня сладкоголосый юрист. Еще бы, если учесть, какой счет он пришлет мне потом! — Уверен, что мы добьемся возмещения ущерба и солидной компенсации во внесудебном порядке.

Я сделала вид, что поверила его басням.

— Василиск! — позвала я кота. Обычно животное встречает меня на кухне, ясно давая понять, что не прочь подкрепиться. Васисуалия Лоханкина поблизости не было. Впрочем, это неудивительно, иногда он пропадает на несколько дней и возвращается взлохмаченный и голодный из странствий по Перелыгину, норovia сразу же улечься в мою чистую постельку.

Я вышла в сад и прислушалась. Мне показалось, что кто-то тихо стонет. Или вое! Да нет же, это — душераздирающие вопли моего любимого Василиска! О, я распознаю его завывания днем и ночью! Но что же такое произошло?

Меня охватил страх. Кто посмел поднять руку на моего бедного котика? Не представляю, что я сделаю с человеком, который решился истязать Васисуалия. И не так-то это просто — десятикилограммовый кот будет непременно сопротивляться. Когти и зубы у него острые — это мне известно на личном опыте.

Я побежала, ориентируясь на утробные завывания кота. Васисуалий громогласно пищал, а это значит, что бедняжка находится в опасности. Но где же он?

Мяуканье привело меня к бывшему забору. Я снова увидела знакомую панораму: строительство было временно приостановлено, рабочие завершили свои подвиги и разошлись по домам.

— Василиск! — рявкнула я.

Кот, слышав мой рык, начал отчаянно мяукать. Я все еще не видела его. У меня создавалось впечатление, что его вопли идут из-под земли. Мой взгляд остановился на нескольких кучах песка. Я похолодела. Неужели... Если бы Васисуалия засыпали двумя тоннами песка, то даже такой монстр, как он, не мог бы пищать. Это неминуемая смерть!

Кот был жив, и это успокаивало меня. Я прислушалась и поняла, что дикие вопли идут из отверстия в земле. Это что ж такое, кроличья нора? Я присела на корточки перед норой и произнесла:

— Василисик, ты здесь?

Кот отозвался на мой зов детским плачем. Откуда взялась эта нора и куда она ведет? Я понятия не имела! У меня никогда не возникало желания изучать наш дачный участок, несмотря на то, что он принадлежал нашей семье уже многие десятилетия. Я заглянула в нору, и в лицо мне ударил затхлый запах сырости и плесени.

Это очень походило на старый погреб... Или колодец! Вполне может быть! Например, когда в прошлом году Ирик Тхарцишвили возводил у себя на участке крытый бассейн, то строители наткнулись на колодец — когда-то на месте Перельгина была деревня, ее уничтожили в течение суток, после того как в Экаресте коммунистическими бонзами было принято решение о возведении на ее месте дачного массива для представителей социалистической интеллигенции.

Я нащупала металлическую крышку, засыпанную землей. Никогда бы не подумала, что на моем участке имеется богом забытый колодец! И именно в него угодил Васисуалий Лоханкин!

— Потерпи, солнышко, — сказала я коту, который, чуя мое незримое присутствие, стал орать все громче и громче. Сердце мое кровью обливалось, я попыталась поднять крышку, но ничего не получилось.

От злости я плюнула на землю. Если бы не этот чрезвы-

чайно настырный олигарх со строительством своего родового гнезда, Васисуалий не угодил бы в древний колодец! А что, если... Если бедняжка из последних сил барахтается в воде? Он ведь может утонуть! О нет, я не могу допустить этого!

Что есть силы я побежала в дом и набрала номер «Службы спасения». Им не привыкать — мне придется заплатить за то, чтобы Василиска извлекли из колодца, но я готова отдать все, чем обладаю, лишь бы котик снова оказался у меня на руках! И вообще, я подам на своего нового соседа в суд!

Машина «Службы спасения» приехала через полчаса. Я провела эти тридцать минут около западни, в которую угодил любопытный Василиск, стараясь успокоить разбушевавшееся животное.

Молодые люди в комбинезонах заверили меня, что извлечь кота не представляет труда. Они подняли прикрутую дерном металлическую крышку, которая скрывала жерло колодца. Василиск, чувствуя, что помощь близка, залился кошачьим плачем.

— Детка, мамочка здесь, она ждет тебя! — крикнула я.

Кот находится на дне колодца как минимум несколько часов, значит, особой опасности для его жизни не существует. Василиск, по природе чрезвычайно любознательный, сунулся в нору, которая и привела его на дно колодца.

Один из рабочих, обвязанный тросом, спустился вниз. Я с замиранием сердца ждала того момента, когда он появится с Василиском в руках. Рабочего вытянули наверх, и он сказал:

— Ваш кот не желает даваться мне в руки! Он исцарапал меня и пытался укусить!

— У него стресс! — сказала я. — Мой бедный мальчик испуган до такой степени, что бросается на тех, кто хочет спасти его.

Попытку извлечь на поверхность Васисуалия повторили, но и на этот раз она не увенчалась успехом. Василиск упорно не давался в руки чужим. Кто-то предложил сделать котике инъекцию снотворного. Я воспротивилась.

— Я сама спасу своего любимца! — заявила я.

Мое предложение вызвало легкое замешательство. Я была уверена, что Василиск, увидев меня, немедленно бросится мне на грудь. Он элементарно боится спасателей!

Подумав, их командир дал разрешение на то, чтобы меня спустили в колодец.

— Вам не стоит беспокоиться, — сказал побывавший дважды на дне колодца, — воды там нет, ваш кот сидит в углу и воет.

Никогда бы не подумала, что мне придется пережить такое! Меня, обвязанную тросом, потихоньку опускали вниз. Моему взору открылись старинные каменные стены, покрытые зеленоватым мхом. В нос ударил резкий запах гнили и тления. Как только я извлеку Василиска из колодца, велю немедленно завалить эту пещеру камнями или песком! Не хватало еще, чтобы Лоханкин снова угодил сюда!

— Эй, осторожнее! — подала я реплику наверх. Колодец был довольно глубоким, метров около десяти. Василиск все стонал и стонал. Внезапно я почувствовала, что лечу! Какой-то идиот выпустил трос из рук — или он порвался! До земли оставалось около двух метров, которые я преодолела в свободном падении.

Дно колодца было усеяно камнями и затвердевшей илистой глиной.

— С вами все в порядке? — участливо осведомился какой-то идиот с поверхности. — Извините, пожалуйста, но наш трос не рассчитан на подобные нагрузки...

— А на какие он рассчитан?! — закричала я в ответ, поднимаясь с карачек. — Вы едва не угробили меня и моего кота!

— Не беспокойтесь, мы извлечем вас в два счета! — заверил меня командир спасателей.

— Буду премного благодарна, — ответствовала я. — Уверяю вас, у меня нет ни малейшего желания провести остаток своих дней на дне этого колодца! И в темпе престо, уважаемые, в темпе престиссимо! Поживее, поживее, если вы по-итальянски ни бельмеса!

Судя по переговорам, которые судорожно велись наверху, молодые люди итальянского не знали, отдавая предпочтение герцословацкому мату. Глаза постепенно привыкли к полумраку, который царил на дне колодца. Только тонкий луч фонарика, очевидно, брошенного спасающимся от когтей кота спасателем, тускло освещал нутро колодца. Василиск бросился ко мне с воплями. Я подхватила чумазое создание и прижала к груди. Лоханкин заурчал и нежно куснул меня.

— Мамочка здесь, мамочка тебя спасла! — говорила я, глядя кота. Васисуалий прильнул ко мне и запыхтел.

— Мы кинем вам веревку, а вы обвяжите ее вокруг талии, — раздался голос.

Я была вне себя от радости. Василиск спасен, теперь предстояло спасти меня.

— Тащите лестницу или что-то подобное, — сказала я. — Не собираюсь повторять подвиги Карлсона! Вам ясно, уважаемые? Я хочу подняться наверх с комфортом!

Спасатели снова начали экстренное совещание, я же осмотрелась. Колодец можно использовать в качестве погребка. Или будь у меня внуки, они бы устроили здесь подземный штаб. Мысли о внуках расстроили меня — я вспомнила о разлучнице Беверли и Алисочке. Нестерпимо хотелось курить.

Васисуалий, мой любимый кот, мирно спал у меня на руках. Похоже, не суждено мне понянчить внуков, но с котами не будет проблем!

Луч фонарика в моей руке остановился на непонятном предмете, который я приняла за большой камень или что-то в этом роде. Да нет же, это ящик! Точнее, огромный чемодан.

Так и есть, на дне пересохшего колодца лежит чемодан. Я подошла к нему и попробовала толкнуть ногой. И как он здесь оказался? Вполне логично предположить, что, если бы о существовании колодца мне было известно раньше, я использовала бы его как хранилище ненужных вещей. Но кто бросил сюда чемодан? И когда?

Я попыталась оторвать Васисуалия от груди, но кот впился когтями в мою блузку. Чемодан не похож на старинный. А ведь он должен быть таким, если предположить, что он покоится здесь с конца двадцатых. Нет, он, может быть, и не новый, но вполне современного дизайнера.

— Мы спустим вам лестницу! — уверили меня сверху. — Потерпите еще немного!

Мне стало любопытно. Такого чемодана в нашей семье никогда не было. Значит, кто-то бросил его сюда или до того, как дача перешла в собственность нашей семьи (мои родители получили ее в конце пятидесятых), или... Или кто-то сделал это позднее без нашего ведома!

Как-то глупо выбрасывать ненужный чемодан в старый

колодец. Да и кто мог знать о существовании этого колодца? Я — не знала! Не проще ли было отправить чемодан на свалку?

Некто притащил его к нам на участок, поднял тяжелую металлическую крышку и швырнул его сюда, на дно. К чему такие усилия? И чемодан, судя по всему, все еще в приличном состоянии, и вообще импортного производства.

Я склонилась над кофром. Его темно-желтая кожаная поверхность была покрыта легким налетом плесени. Наклейка! Она побелела и съезжилась от сырости, но на ней все еще можно было разобрать буквы NY. Наверняка Нью-Йорк! Злодей — иностранный шпион?

Чемодан оказался закрыт, и ключей не было. Не беда, я нащупала небольшой булыжник и с силой ударила по одной из металлических застежек.

С третьего раза застежка отскочила. Другая отошла только с пятого удара. В чемодане что-то есть — он был неподъемным. Неужели кто-то решил таким нетривиальным образом избавиться от коллекции старых порнографических журналов или грязных панталон?

Спасатели начали спускать лестницу, по которой мне предстояло вознестись наверх. Я попыталась приподнять крышку. Заклинило! Я рванула крышку чемодана на себя, и она подалась.

— Осторожнее! Теперь вы можете подниматься наверх!

Я распахнула крышку. Еще до того, как я разглядела содержимое, в лицо мне ударил странный гадкий запах, который заставил меня вспомнить о прошлом лете — тогда в Перельгине по техническим причинам отключили на несколько суток электричество, сгорела подстанция или что-то подобное. Примерно так же несло из морозильной камеры, в которой протухли мясные запасы.

В некогда белую, а теперь коричнево-серую клеенчатую скатерть с изображением легкомысленных Незнаек, Винни-Пухов и Коньков-Горбунков было что-то завернуто. Что-то, имеющее очертания человеческого тела. Я нащупала край скатерти и потянула его на себя.

Боже, что же это такое? Спасатели давали мне наставления, но я не слышала их. В чемодане в скрюченной позе зародыша находилось человеческое тело. Я не эксперт, поэтому не могу сказать, что именно я лицезрела — это был не скелет, но и не труп, а нечто среднее.

Человек походил на мумию, такие время от времени на-

ходят в торфяных болотах или где-нибудь в Андах. Коричневая блеклая кожа, местами висящая лохмотьями, обтягивала тонкий скелет. Невозможно было определить ни пол, ни возраст этого создания. Однако, судя по светлым волнистым волосам, которые спадали на костистые плечи и закрывали то, что некогда было лицом, скорее всего, передо мной лежала женщина. Я в страхе смахнула с ее лица волосы.

Глазницы мумии были пусты, щерившийся черными зубами рот приоткрыт в безмолвном крике. Неужели такое бывает? Ведь если кто-то сбросил в колодец труп, то от тела должна остаться пара костей, не более того!

Я вспомнила передачу, которую видела не так давно по одному из научно-популярных каналов. Оказывается, если тело находится в особой среде, то оно не подвергается процессу распада, а произойдет естественная мумификация. Похоже, нечто подобное приключилось и с этим чемоданным трупом.

— Серафима Ильинична! — голос одного из спасателей вернул меня к действительности. — Вы можете подниматься наверх! Лестница надежна и прочна, она выдержит вас и вашего кота!

Ничего, подождут! Все же не каждый день находишь на дне таинственного колодца чемодан с человеческой мумией. Я боязливо прикоснулась к руке мертвеца. Темная кожа походила на пергамент. Мне стало безумно жаль эту несчастную — я уже уверилась в том, что передо мной женщина.

Мое предположение подтвердила сверкнувшая в ухе мумии сережка. Я посветила фонариком — оригинальный дизайн и — я неплохо разбираюсь в драгоценностях — не бижутерия, а настоящие камни — основание в виде крошечного месяца из бриллиантов и покоящееся на нем солнце, крупный рубин. Наверняка старинная работа. И куплена не на зарплату среднестатистического герцословацкого инженера.

А вот другое ухо... Я закусила губу, заметив порванную мочку. Кто-то с дикой силой вырвал парную сережку. Какой зверь!

В ногах мумии лежали грязные тряпки — видимо, одежда жертвы. Некто — убийца! — расправился с несчастной, затем снял с нее все вплоть до исподнего, запихнул это все в огромный чемодан, который затем сбросил в мой колодец! Каково нахальство! Никто не имеет права сбрасывать в мой